

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 58–75.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
no.3 (114). Pp. 58–75.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 340.1

ПРЕВЫШЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Сысоев Алексей Александрович

Восточно-Сибирский институт, Иркутск, Российская Федерация, daosss1972@yandex.ru

Введение. В современных условиях закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами с использованием служебного положения. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Не случайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний, предметом – сопутствующие этому процессу факторы и условия. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых царскими наместниками – воеводами и чиновниками новой формации – губернаторами в процессе их служебной деятельности.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. В работе определены причины, содержание, тенденции и закономерности распространения различных форм должностной преступности на территории Восточной Сибири во второй половине XVIII столетия.

Выводы и заключения. Значительная удаленность от центра принятия решений, близость границ Китая, существенные запасы пушнины и бесправность инородческого населения, интегрированные традициями кормления, предопределили особые черты противоправной деятельности сибирского чиновничества. Отсутствие эффективной системы контроля за деятельность сибирского чиновничества только

усугубляло сложившуюся ситуацию. Без изменения условий, способствовавших распространению должностной преступности, и создания системы юридических ограничений и запретов вышеперечисленные способы не давали должного эффекта. Противоправная деятельность губернских чиновников в Восточной Сибири, когда их решения и поступки, связанные с выполнением служебных обязанностей, явно выходили за пределы установленных полномочий и нарушали существовавшие узаконения, получила повсеместное распространение и оказывала существенное воздействие на эффективность местного администрирования.

Ключевые слова: должностное преступление, превышение полномочий, противоправные деяния, злоупотребления, наместник, чиновник, администрация.

Для цитирования: Сысоев А. А. Превышение полномочий как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири во второй половине XVIII столетия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 3 (114). С. 58–75.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

ABUSE OF AUTHORITY AS A MANIFESTATION OF OFFICIAL CRIME IN THE TERRITORY OF EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute, Irkutsk, Russian Federation, daosss1972@yandex.ru

Introduction: In modern conditions, attention has naturally increased to the problems of countering crimes committed by officials using their official position. Historical experience is gaining key importance. It is no coincidence that over the past decade, the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the causes and factors that caused the spread of official crime in the territory of Eastern Siberia as an independent group of illegal acts, the subject is the factors and conditions accompanying this process. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out by royal governors - voivodes and officials of the new formation – governors in the course of their official activities..

Methods and Materials: The paper uses the method of historical materialism, as well as methodological tools of comparative legal research, analysis, synthesis, deduction and induction.

The Results of the Study: The paper identifies the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of official crime in Eastern Siberia in the second half of the XVIII century.

Findings and Conclusions: The significant distance from the decision-making center, the proximity of China's borders, significant reserves of furs and the disenfranchisement of the foreign population, integrated by feeding traditions, predetermined the special features of the illegal activities of the Siberian bureaucracy. The lack of an effective system of control over the activities of the Siberian bureaucracy only aggravated the current situation. Without changing the conditions that contributed to the spread of official crime, and creating a system of legal restrictions and prohibitions, the above methods did not have the desired effect. The illegal activities of provincial officials in Eastern Siberia, when their decisions and actions related to the performance of official duties clearly went beyond the established powers and violated existing laws, became widespread and had a significant impact on the effectiveness of local administration.

Keywords: official crime, abuse of authority, illegal acts, abuse, governor, official, administration.

For citation: Sysoev A.A. Abuse of authority as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia in the second half of the XVIII century. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 3 (114), pp. 58–75.

По мнению видного криминалиста досоветского времени Валериана Николаевича Ширяева, «преступные деяния должностных лиц занимали особое исключительное положение». Ученый утверждал, что в отличие от проявлений общей преступности, «способной вызвать и породить общественную тревогу, развитие и умножение должностных преступлений может быть рассматриваемо, как общественное бедствие» [1, с. 1].

Принято считать, что впервые термин «превышение власти» в отечественном праве был применен в 1811 г. и касался главным образом высших чиновников империи – министров¹. Спустя двадцать лет, благодаря принятию закона «О преступлениях чиновников по службе» в 1832 г., это понятие распространилось на всех, кто состоял на государственной службе².

Между тем, противоправная деятельность царских чиновников, когда их решения и поступки, связанные с выполнением служебных обязанностей, явно выходили за пределы установленных полномочий и нарушали существовавшие узаконения, имела достаточно продолжительную практику еще до XIX столетия.

Проявлявшееся изначально как сопутствующий фактор при незаконном обогащении за счет службы – лихоимстве, в дальнейшем превышение властных полномочий получило свое многоплановое развитие уже в качестве обособленного деяния и, помимо корыстных устремлений, могло сопровождаться физическим насилием, изменой государственным интересам, либо политическим авантюризмом.

В Сибири, благодаря значительной удаленности от центральных областей Московского государства, должностная преступность изначально имела свои

¹ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 31. – С. 709.

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – [Издание 2-е]. – СПб., 1833. – Т. 15. – С. 93.

особенные черты. Близость границ Китая, существенные запасы пушнины, бесправность инородческого населения, традиции кормления, интегрированные полным отсутствием контроля, практически сразу предопределили в качестве главного инструмента наживы должностные полномочия царских наместников.

С особой остротой это обстоятельство, по мнению отечественных исследователей, проявилось в конце XVII–начале XVIII столетий, в период, когда во всем государстве «произошло увеличение неисполнения чиновниками норм, установленных законами, царскими указами» [2, с. 8].

К этому времени в Восточной Сибири противоправные действия царских наместников, воевод, приобрели всеобъемлющий характер, а их последствия зачастую приводили к народным волнениям и вооруженному противодействию на местах со стороны ясачного и податного населения. При этом единственным органом дознания и контроля за действиями царских наместников являлись воеводы, приезжавшие на смену своим предшественникам. Таким образом, как сообщает отечественный историк-археограф Николай Николаевич Оглоблин, почти все сибирские воеводы XVII столетия «не миновали участия своих предшественников и в свое время подверглись сыску» [3, с. 183].

Показательными в этой связи являлись события 1695–1698 г. в Красноярске. Получившие впоследствии название «Красноярская шатость» волнения посадского населения и казаков оказались прямым следствием многочисленных злоупотреблений воевод Алексея и Мирона Башковских. При этом немаловажным и фактически подстегнувшим беспорядки оказалось бездействие нового воеводы стольника Семена Ивановича Дурново, назначенного для проведения сыска. Тогда единственным выходом для посадского населения стало смещение красноярских воевод при помощи вооруженной силы [4, с. 46].

Прекрасно иллюстрировали систему злоупотреблений властными полномочиями, по мнению Натальи Дмитриевны Зольниковой, противоправные действия царских наместников в Якутске [5, с. 186]. Последние в погоне за наживой не только беспринципно попирали полномочия сыщиков Сибирского приказа, но и явно игнорировали указания из центра, в результате чего направленный в 1690 г. «разведать, от чего ясачный сбор умалился, и про воевоцкие неправые дела» тобольский дворянин Федор Родионович Качанов оказался пленником якутского воеводы стольника князя Ивана Михайловича Гагарина.

В своем исследовании Н. Д. Зольникова указывает, что, несмотря на грамоту из Сибирского приказа о «вспоможении» во всех делах, сынок был изолирован на собственном дворе с приставлением караула. При этом по указанию воеводы Гагарина всем жителям Якутска под страхом смертной казни запрещалось передавать Ф. Р. Качанову и его людям продовольствие и воду. Не удовлетворившись фактическим арестом и полной изоляцией царского сыщика, воевода сам без традиционной для этого действия санкции в виде «государева указа» начал против него свой сыск. Получив же государеву грамоту с приказом отпустить Ф. Р. Качанова в Москву с предоставлением дощатника и припасов, воевода не только ее проигнорировал, но и организовал

вооруженное нападение. Приобретённое сыщиком на собственные средства судно было изрублено и сброшено в реку [5, с. 192].

Подобные действия сибирской администрации, сопровождавшиеся явным превышением полномочий, получали значительный резонанс и воспринимались центральными властями как наиболее опасные деяния, несущие значительные материальные потери и угрожающие основам управления на окраинах государства. Однако в условиях, когда дознание о неправомерных поступках царских наместников проводилось их сменщиками – вновь прибывшими воеводами, или отдельными сыщиками, действовавшими автономно и без должной поддержки, решить проблему превышения властных полномочий не представлялось возможным.

Очередной попыткой разрешения противоречий в системе управления восточными окраинами стала организация всесибирского розыска. Для подробного расследования причин «Красноярской шатости», проведения дознания об иных противоправных действиях Сибирским приказом был организован «Большой сыск думного дьяка Данилы Леонтьевича Полянского и дьяка Данилы Берестова о злоупотреблениях сибирских воевод».

По сведениям Н. Н. Оглоблина, сыск проводился в период с 1696 по 1702 г. Автор утверждал, что сыск по своей организации и размаху «имел характер сенаторских ревизий позднего времени». Широту властных полномочий Полянского и Берестова демонстрировало их право «пытать по уликам с очных ставок не только воеводских людей и ясачных сборщиков, но и самих воевод» [6, с. 180]. За разные «неисправы» последние подлежали ссылке в отдаленные сибирские города с конфискацией имущества. В исключительных случаях, когда розыск выявлял вину царского наместника в грабеже ясачного населения и «измене», сыщиком давалось право «казнить самих воевод, не отписываясь о том даже в Москву» [7, с. 169].

Правительство, утверждал Н. Н. Оглоблин, придавало большое значение этому розыску и всячески ему содействовало. О значении экспедиции сыщиков в Сибирь свидетельствует внимание к ней Петра I. В личном письме Полянскому от 4 марта 1696 г. царь указывал: «для чего он, Данила, послан – помнить, и души своей и головы не потерять» [6, с. 188].

Итогом расследования Д. Л. Полянского и Д. Берестова стало 16 сыскных дел о противоправных действиях царских наместников и... значительное количество челобитных на самих сыщиков. В результате вместо завершения «Большого сыска о злоупотреблениях сибирских воевод» было заведено следствие уже против самих сыщиков, и для дальнейших разбирательств их отзовали в Москву.

По мнению одних исследователей, недовольство действиями сыщиков объяснялось их энергичной деятельностью, «вызвавшей страшную ненависть со стороны сибирских служилых людей, выразившуюся наконец в том, что на них самих посыпались обвинения в разных злоупотреблениях» [6, с. 190]. По мнению других причиной опалы Д. Л. Полянского стала «неспособность справится с Красноярским восстанием» [5, с. 212]. Третьи полагают, что «принимая потоки челобитных на воевод, дьяк проявлял колебания или откровенно покрывал «неправды» и должностные преступления сибирских правителей» [8, с. 28].

При этом очевидно и то, что даже специально организованный «Большой сыск» не принес ожидаемых результатов. Исключить или хотя бы минимизировать преступные действия царских наместников и подведомственных им чинов в Сибири имеющимися в распоряжении правительства средствами не представлялось возможным. Введение различных имущественных запретов, уменьшение сроков службы и попытки более пристального контроля за деятельностью воевод не приносили желаемых результатов. Огромные расстояния от центра принятия решений и значительное время на их воплощение обеспечивали сибирским воеводам полную автономность и в известной степени являлись иммунитетом от преследования последних за проступки по службе.

Не оказали должного влияния на сложившуюся ситуацию и административные преобразования Петра I. Жесткая централизация властных структур и последовавшее за этим введение института генерал-губернаторства на окраинных землях только усугубили положение. По мнению Михаила Олеговича Акишина, бюрократизация управления вкупе с созданием губерний привели к тому, что «в Сибири очень быстро сформировалась организация казнокрадов и взяточников, которая полностью соответствовала иерархии официального местного управления» [9, с. 6]. Таким образом, сибирские губернаторы, изначально являющиеся доверенными лицами царя, в силу действовавших порядков получили возможность к безграничному личному обогащению.

В этом отношении дело первого Сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина оказалось не только одним из самых громких разоблачений петровской эпохи, но и воочию продемонстрировало все многообразие и масштабы противоправной деятельности царских чиновников, выполнявших свои служебные обязанности на Востоке страны. Только официально установленная в ходе следствия сумма ущерба казне от противоправной деятельности первого Сибирского губернатора составила 305554 руб. [10, с. 180]. Кроме того, асессором следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова гвардии майором И. М. Лихаревым были выявлены 35 фактов злоупотреблений властными полномочиями [11, с. 27].

Благодаря своему положению, М. П. Гагарин контролировал все назначения на должности воевод, обер-комендантов, комендантов, и, по сведениям современного исследователя Гергилева Д. Н., при «отборе верных ему чиновников вступал в противоречие с законодательством Петра I». В этой связи автор отмечает, что «выбирая среди претендентов на должности воевод и комендантов М. П. Гагарин стремился окружать себя родственниками и старыми «знакомцами» [12, с. 119].

Манипулируя назначениями на «хлебные» должности, губернатор сумел добиться не только полной лояльности подведомственных чиновников, но и фактически узурпировал торговлю с Китаем. В связи с чем фискалы докладывали царю: «Гагарин допускает к Китайскому тorgu только своих приятелей, вместе с которыми получает превеликое богатство» [13, с. 80]. Таким образом, логическим последствием «должностного кумовства» оказалось не только причинение экономического ущерба государству, но и использование дипломатических отношений с Китаем в частных интересах [14, с. 365].

Помимо торговых махинаций, первого Сибирского губернатора обвиняли в незаконных поборах с крестьян, расходовании казны на личные нужды, во взятках за предоставление права сбора податей с винной и пивной продажи, в вымогательстве подношений с купцов. При этом, наряду со стремлением к незаконному обогащению, выделялись проступки, напрямую связанные с превышением властных полномочий. В частности, М. П. Гагарину инкриминировали нарушение государственной монополии по производству пороха и самовольное формирование особого полка, состоящего из пленных шведов. Один из них – Филипп Иоганн Страленберг впоследствии свидетельствовал о явных сепаратистских устремлениях князя [14, с. 350].

Финальной каплей, инициировавшей повторное расследование в отношении деятельности М. П. Гагарина на губернаторском посту, оказалась авантюра с поисками месторождения золота в Эркете. Последнее послужило поводом к особому вниманию за ходом дознания со стороны Петра I. В результате чего 13 марта 1721 г. на суде сенаторов М. П. Гагарину инкриминировали девять эпизодов преступной деятельности [15, с. 57].

Немаловажную роль в расследовании дела М. П. Гагарина сыграли особые органы – фискальская служба и «майорские» канцелярии, являвшиеся, по мнению Д. О. Серова, принципиально важными сегментами отечественного государственного аппарата [16, с. 100]. Выполняя функции органов надзора и предварительного расследования в начале XVIII столетия, они приняли на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями петровской эпохи. При этом многочисленные попытки уголовного преследования высших чиновников оказались фактически безрезультатными [15, с. 53]. Наказание за преступления понесли лишь единицы. Эпизод с разоблачением первого Сибирского губернатора М. П. Гагарина являлся скорее исключением из правил.

По мнению отечественных исследователей, одной из причин этого парадокса являлась объективная неспособность существовавшей судебной системы обеспечить надлежащее рассмотрение заводимых дел [16, с. 251]. В результате жесткие требования царских указов о том, чтобы «нарушителей государственных прав и своей должности казнить смертю натуральной и всего имения лишить»³ не оказали должного воздействия на созданный в ходе административной реформы бюрократический аппарат. Государственные чиновники не только сумели избежать строгого контроля за своей деятельностью, но и в полной мере унаследовали от царских наместников традиции кормления. Главными особенностями сибирского управления в это время по-прежнему оставались крайняя удаленность от центра и особые полномочия местных бюрократов, предоставлявшие последним практически безграничную власть.

В таких условиях Сибирь, по мнению одного из лидеров областнического движения Петра Михайловича Головачева, оказалась «в наиболее безотрадном положении». Произвол, утверждал автор, «увеличивался прямо пропорционально расстоянию различных многочисленных частей русской земли от местопребывания высшей власти» [17, с. 6].

³ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 7. – С. 251.

Неудивительно, что даже показательный процесс над М. П. Гагариным не оказал должного воздействия на представителей сибирской администрации. Указывая на это обстоятельство в своем личном послании Петру I в октябре 1723 г., генерал-лейтенант В. И. де Геннин, сообщал, что в «здесьших Сибирских состояниях, и так видна злая пакость, крестьянам бедным разорение от судей, и в городах, которые посланы от Камерирств и земских управителей и в слободах зело тягостно и без охранения; а купечество и весьма разорилось» [18, с. 128].

К рассматриваемому времени наиболее сложная ситуация складывалась в Восточной Сибири, где своеволие царских чиновников приобретало предельно гипертрофированные формы. Здесь использование должностных полномочий в преступных целях являлось характерной чертой деятельности не только местных администраторов, но и тех, кто по роду службы был обязан их контролировать – ревизоров и следователей.

На фактическое отсутствие надзора за действиями сибирского чиновничества указывал Н. М. Ядринцев. Автор утверждал, что «развитие злоупотреблений являлось следствием настолько же громадной власти, сосредоточенной в одних руках, насколько и полной бесконтрольности». В связи с чем, по его мнению, «правители, пока жили в Сибири, не боялись никого и ничего» [19, с. 473]. В значительной степени этому фактору способствовали многочисленные злоупотребления со стороны специальных следователей – доверенных лиц, уполномоченных правительством для контроля и надзора за деятельностью чиновников.

Система специальных поручений, основанная на использовании облеченных особым доверием и широкими полномочиями следователей, как основной инструмент контроля за царскими чиновниками, применялась на протяжении практически всего XVIII столетия. По сведениям Юрия Владимировича Готье, эта система не только пережила Петра I и оказалась гораздо прочнее, нежели созданные им фискалитет и «майорские» канцелярии, но и в конечном итоге стала одним из самых распространенных способов правительственного воздействия [20, с. 104].

Как правило, задачи следственных комиссий и полномочия следователей определялись указами или персональными инструкциями. В некоторых случаях, особенно в Сибири, следователи получали право по своему усмотрению применять пытки. Кроме того, следователь мог отстранить подозреваемого чиновника от должности и сам исполнять его обязанности. «Можно сказать, – отмечал по этому поводу Ю. В. Готье, – полномочия следователей делали из них сверхвластителей в провинции, права, которые они получали над областной администрацией, делали их диктаторами над целой губернией» [20, с. 120].

Именно таким беспощадным диктатором запомнился сибирякам следователь коллежский асессор Петр Никифорович Крылов, прибывший в Иркутск 8 июля 1758 г. для расследования злоупотреблений с питейными сборами и проведения ревизии предприятий винокурения [21, с. 77].

В действительности Крылов являлся доверенным лицом обер-прокурора правительствуемого сената Александра Ивановича Глебова и фактически представлял в Иркутской провинции его коммерческие интересы по производству и сбыту

алкогольных напитков. Таким образом, уже изначально следователь Крылов был ориентирован не на объективное расследование имеющихся нарушений, а на фактический захват всего винокуренного производства Иркутской провинции и жестокую расправу с теми, кто мог этому помешать.

К указанному времени прибыльные и практически безотходные предприятия по винокурению находились в ведении дворянства. Сенатский указ «О допущении к подрядам на поставку вина на одних помещиков, и о возбранении курить вино другого звания людям» ввел с 19 июля 1754 г. запрет на участие в алкогольном производстве для представителей иных сословий⁴. Последовавший за ним указ от 15 января 1756 г. и вовсе потребовал уничтожить «все имеющиеся в ведомстве Воеводских канцелярий, Магистратов и Ратуш казенные и купеческие заводы» и окончательно закрепил права на винокурение только за дворянством⁵.

В Иркутской провинции введенные санкции в большей степени ударили по купеческому сословию, успешно занимавшемуся винокурением с 1727 г [22, с. 216]. Этим фактором и объяснялось нежелание местных купцов уступать доходные предприятия откупщикам генерал-прокурора А.И. Глебова. Последний, используя свое положение в сенате, получил эксклюзивные права на поставку вина в Иркутской провинции и предпринимал все возможное для их реализации.

В 1756 г. Иркутск посетил поверенный Глебова Андрей Евреинов с требованием передачи всех винокуренных предприятий в ведение своего нанимателя. Однако явное нежелание иркутского купечества терять прибыльные предприятия было поддержано вице-губернатором Иваном Петровичем Вульфом и А. Евреинову ответили отказом. В ответ Глебов предоставил сенату донесение «о злоупотреблениях, делаемых по выкурке вина иркутской провинциальной канцелярией, городовым магистратом, корчемной конторой и иркутским купечеством» и инициировал следствие «по случаю не сдачи винокуренных заводов» [23, с. 187].

Следственная комиссия, сформированная для проведения дознания о нарушении правил винокурения, состояла из следователя, секретаря, двух канцеляристов и четырех писцов. Полномочия комиссии и ее задачи оговаривались отдельным сенатским указом от 30 января 1758 г.

Предписание метрополии «о том, чтобы, как оный Магистрат, так и Иркутская канцелярия по присыпаемым от того следствия указам и по другим письменным требованиям немедленно исполнение чинил» следователь Крылов предоставил местной администрации уже на следующий день после своего приезда в Иркутск [21, с. 188]. Таким образом, для проведения дознания в Иркутской провинции следователь получал практически неограниченные полномочия. Позже, на основании данного указа Крылов истребовал и вооруженную поддержку. По одним источникам в виде 25 солдат с одним унтер-офицером [23, с. 188], по другим – 77 солдат с тремя унтер-офицерами из Селенгинска [24, с. 655].

Методы, практиковавшиеся в ходе дознания, наиболее подробно описал Петр Ильич Пежемский. По сведениям иркутского летописца, представший изначально

⁴ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 6. – С. 183.

⁵ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 6. – С. 502.

перед обывателями, как «честный и благонамеренный чиновник, все поступки которого обнаруживали добрую душу», Крылов на протяжении нескольких месяцев скрупулёзно собирал сведения о наиболее состоятельных иркутянах. «Всем умел делать удовольствие, а через все это узнавал из-под руки: кто как живет, кто богат, кто беден», – отмечали очевидцы тех событий.

Первые месяцы своего пребывания в Иркутске следователь демонстрировал полнейшее безразличие к производству и сбыту хлебного вина. Местные хроники, отразившие особенности работы следственной комиссии в этот период, фиксировали, что «содержатели каштаков (места винокурения – авт.) курили вино, продавали и все шло обычным порядком» [21, с. 83].

Между тем, спустя некоторое время, методы работы столичного дознавателя, так же, как и его отношение к окружающим разительно изменились. Иркутяне отмечали, что «Крылов вдруг переменился в характере, вдался в разные дерзости, жестокости, особенно к купечеству, занимавшемуся содержанием винокуренных заведений» [21, с. 78].

Начало активных следственных действий ознаменовали закупка и последующее изъятие бочки с вином в Карлукском каштаке. Крылов истребовал и опечатал все материалы, касающиеся питейных сборов за 30 лет. На основании проверки ведомостей питейных сборов за период с 1728 по 1758 г. и сопоставления сведений из городового магистрата и провинциальной канцелярии он объявил о выявленных фактах фальсификации данных по продажам вина и, как следствие, обвинил местные власти в значительных хищениях казенных денег. Объявленные следствием убытки казне, по сведениям С. С. Шашкова, составили астрономическую сумму в 829000 руб., вследствие чего Крылов распорядился не выпускать из города ни одного купца [24, с. 656].

По распоряжению Крылова в городе начались аресты, в ходе которых было задержано 74 человека. Среди прочих заковали в цепи и посадили в острог президента Иркутского магистрата Михаила Ивановича Глазунова. В домах у богатейших купцов прошли обыски. Их имущество и товары были опечатаны и находились под караулом. Всех задержанных публично объявили казнокрадами.

В иркутских летописях есть упоминания, что в ходе пыток следователь Крылов лично бил задержанных по щекам и угрозами применения плетей вынуждал к признанию вины. Первым, по сведениям Н.С. Щукина, не выдержал и дал требуемые следствием показания о чрезмерном завышении цен на вино Иркутский бургомистр Николай Бренчалов [23, с. 188]. Это, пишет в своей летописи Пежемский, «подало повод Крылову исполнить свои угрозы над прочими, не сознавшимися; он мучал их в пытках, но никто из терпевших истязания не признался в краже, кроме Михаила и Максима Глазуновых и Василия Ворошилова» [21, с. 79]. Последовали повторные пытки и истязания с дальнейшими признаниями иркутских купцов, осознавших всю бесперспективность сопротивления.

Дольше всех продержался один из богатейших предпринимателей Иркутска купец первой гильдии Иван Степанович Бечевин, известный своими коммерческими

проектами и контролировавший с 1749 г. производство и распространение вина в Илимском уезде.

Бечевин не пожелал дать ложные показания и в течение нескольких месяцев подвергался жестоким пыткам. Однако, как пишет современный исследователь Вадим Петрович Шахеров, «будучи поднят на дыбу, пытаясь остановить мучения, вынужден был себя оговорить и пообещать выплатить 15 тыс. руб... под угрозой новых пыток эта сумма увеличилась в два раза» [25, с. 251].

В общей сложности Крылову удалось «выбить» из иркутского купечества 155295 р. 80 к. В подтверждение этого факта Н. С. Щукин приводит список местных предпринимателей с подробным указанием сумм, полученных в ходе пыток. Немаловажную роль в фактическом грабеже иркутского купечества, по сведениям автора, сыграл один из его представителей – купец первой гильдии Василий Яковлевич Елезов, доносивший по собственной воле Крылову, «с кого и какую сумму можно получить посредством застенка и пыток» [23, с. 188]. Он же, в конечном счете, был направлен в Петербург, чтобы повиниться в убытках, якобы нанесенных казне иркутским купечеством.

Между тем, «выбитых» денег Крылову оказалось недостаточно, и он приступил к реализации изъятого у купцов имущества. С этой целью проводились аукционы, где следователь являлся одновременно и оценщиком, и продавцом, и покупателем. В результате, пишет С. С. Шашков, следователю Крылову удалось дополнительно получить 93120 руб. [24, с. 658]. Всего же за время крыловского погрома, по подсчетам купца Алексея Сибирякова, иркутское общество понесло ущерб в размере 300000 руб. [26, с. 305].

Однако негодование иркутян было вызвано не столько открытым и беспринципным вымогательством следователя Крылова, сколько его пренебрежением общепринятыми нормами морали и многочисленными случаями насилиственных действий.

Практически безграничные полномочия в условиях полной бесконтрольности со стороны метрополии, дифференцированные низкими морально-нравственными личностными качествами, предопределили не только масштабы, но и особенности противоправной деятельности Крылова. Помимо корыстных устремлений, он регулярно использовал свои властные полномочия для совершения преступлений в области половой неприкосновенности.

«Сладострастие Крылова не знало границ и доходило до зверского неистовства» – писал по этому поводу С. С. Шашков [24, с. 656]. По сведениям иркутских летописцев, домогательствам следователя подвергались и взрослые женщины, и дети. Одной из первых жертв оказалась его соседка, дочь купца Воротилова. Крылов изнасиловал ее и сделал своей любовницей. Если несчастные не сдавались добровольно, то Крылов принуждал их жестокими побоями и телесными истязаниями при помощи своих солдат.

Тяжелее всех пришлось невольным арендодателям Крылова. Семья иркутского купца Ивана Афанасьевича Мясникова, предоставившая по требованию следователя верхний этаж своего дома для его проживания, оказалась заложниками его половой

распущенности. «Развратом и гнусностью своих поступков доводил семейство своего хозяина до отчаяния», – сообщали о поведении нового квартиранта Мясниковых иркутские хроники [21, с. 86].

С маниакальным упорством, публично Крылов преследовал старуху – мать купца Ивана Афанасьевича Мясникова. Супруга хозяина дома Дарья Николаевна так же неоднократно подвергалась домогательствам любвеобильного следователя. Угрожая пытками и побоями, Крылов вынуждал главу семейства склонять свою супругу к измене. Кроме того, Н. С. Щукин описывает случай растления Крыловым десятилетней девочки, прислуживающей в доме Мясниковых [23, с. 197].

В конечном счете, по утверждению Пежемского, «в женском поле он поселил такой страх, что старые и малые даже днём боялись ходить по улицам, чтобы не встретиться с Крыловым, прятались от него и бегали, как от страшилища» [21, с. 86]. Сами же крыловские бесчинства нашли свое отражение в иркутских преданиях и воплотились в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова», вышедшем в свет спустя более полувека после рассматриваемых событий [27, с. 35].

Между тем властные притязания Крылова, который, казалось, совершенно утратил связь с реальностью, распространились на всю Иркутскую провинцию. В апреле 1760 г., будучи в гостях у купца Василия Зайцева, следователь прилюдно обвинил вице-губернатора Ивана Петровича Вульфа в слабости управления и расхищении казны, отобрал шпагу и приказал арестовать. На следующий день, по сведениям Н. С. Щукина, «Крылов циркулярами своими объявил всем местам и официальным лицам иркутской провинции, что он, по непростительной слабости тамошняго вице-губернатора и по единодушной просьбе всех жителей города, сам вступил в управление иркутскою провинциею» [23, с. 199].

Окончательно уверовав в свою исключительность, Крылов приказал изменить государственный герб, располагавшийся на городовой башне. Как пишет С. С. Шашков, «предерзостно прибил жестяную доску с такими на ней литерами: Году 1760, месяца сентября, бытности в Иркутске начальника коллежского ассесора Крылова» [28, с. 330].

Вице-губернатор И. П. Вульф и епископ Софроний не преминули воспользоваться оплошностью своего оппонента и сообщили о факте покушения на государственные символы верховным властям. Реакция на дерзкую выходку последовала незамедлительно. 9 ноября 1760 г. в Иркутске получили сенатский указ об аресте Крылова. Зарвавшегося следователя отстранили от дел и посадили под стражу. Впоследствии часть денежных средств возвратили пострадавшим. Вице-губернатор И. П. Вульф получил чин тайного советника. А иркутское общество еще долго пребывало в ошеломлении от преступных деяний «лихого» столичного следователя.

Перипетии «крыловского погрома» со всей очевидностью продемонстрировали уязвимость системы специальных поручений как способа государственного воздействия на сибирскую администрацию. В случае с расследованием предполагаемых злоупотреблений в Иркутске, оно изначально было реализовано в корыстных интересах частного лица. При этом противоправная деятельность следователя Крылова осуществлялась в условиях, когда иркутская администрация и

купечество, в силу его особых полномочий, оказались в положении очевидной подчиненности. В такой ситуации Крылов, как должностное лицо, получил не только обширные возможности к совершению преступлений, но и высокие шансы избежать наказания. Таким образом, доверенные лица, облеченные особыми полномочиями для расследования должностных преступлений, оказавшись в специфических условиях Сибири, совершали их сами, зачастую в еще больших масштабах.

Значительная удаленность от центра принятия решений, близость границ Китая, существенные запасы пушнины и бесправность инородческого населения, интегрированные бытовавшими тогда традициями кормления, предопределили особые черты противоправной деятельности сибирского чиновничества. При этом практиковавшиеся способы противодействия должностной преступности в виде частой ротации кадров, особом контроле вывозимого из Сибири имущества и введения жестоких репрессий, очевидно, не давали желаемых результатов.

Отсутствие эффективной системы контроля за деятельностью сибирского чиновничества только усугубляло сложившуюся ситуацию. Без изменения условий, способствовавших распространению должностной преступности, и создания системы юридических ограничений и запретов вышеперечисленные способы не давали должного эффекта. В связи с этим противоправная деятельность губернских чиновников в Восточной Сибири, когда их решения и поступки, связанные с выполнением служебных обязанностей, явно выходили за пределы установленных полномочий и нарушали существовавшие узаконения, получила повсеместное распространение и оказывала существенное воздействие на эффективность местного администрирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ширяев, В. Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях (уголовно-юридическое исследование). Ярославль, 1916. 570 с.
2. Чекурда, А. Е. Предпосылки становления органов надзора в России на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Омского юридического института. 2011. № 3 (16). С. 8-11.
3. Оглоблин, Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) в 4 частях. М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете. 1895. Ч. 1. 430 с.
4. Сысоев, А. А. Лихоимство как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири в конце XVII-начале XVIII столетий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 46.
5. Зольникова, Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и "письма" Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 180-220.
6. Оглоблин, Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) в 4 частях. М.: Императорское общество истории и древностей России при Московском университете. 1895. Ч. 3. 394 с.

7. Окладников, А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Ленинград: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение. 1937. 428 с.
8. Вершинин, Е. В. Сыск Д. Л. Полянского: дело мангазейского воеводы М. С. Волчкова // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 27-35.
9. Акишин, М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. 226 с.
10. Баранов, П. П., Шапошников, А. А. Дело князя М. П. Гагарина: начало российского аудита // Экономическая история России. 2016. №10. С. 173-174.
11. Толочко, А. П., Коновалов, И. А. Борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти в Сибири в первой половине XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 27-30.
12. Гергилев, Д. Н. Сибирь в системе управления административных преобразований Петра I // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. С. 118-123.
13. Корсаков, В. Гагарин князь Матвей Петрович // Русский биографический словарь. М., 1914. Т. IV. С. 80.
14. Костецкая, Е. В. Следствие по делу князя М. П. Гагарина в контексте развития системы государственного контроля в первой четверти XVIII века / Е. В. Костецкая, Л. Н. Суслова, В. А. Аксенова // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 7. С. 346-373.
15. Серов, Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I: Из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 47-63.
16. Серов, Д. О. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами: материалы международной научно-практической конференции «Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства». Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. С. 99-101.
17. Головачев, П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII века. М.: Тип. В. Ф. Рихтер, 1889. 127 с.
18. Берх, В. Н. Жизнеописание Генерал-Лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. № 4. С. 128-135.
19. Ядринцев, Н. М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Соврем. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / [Соч.] Н.М. Ядринцева. С.-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
20. Готье, Ю. В. Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII веке // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями, ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 - 5 декабря 1909 года). Ч. 1. М.: Т-во Печатня С. П. Яковлева, 1909. 416 с.

21. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) / с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Иркутск: Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. 418 с.
22. Бумаги ИЗ Дела о генерал-прокуроре А.И. Глебове и сибирском следователе Крылове // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867, Т. 1. Санкт-Петербург: 1867. 558 с.
23. Щукин, Н. С. Крылов следователь в Сибири (Из иркутской хроники 1758-1761 года) // Луч. 1866. Т. I. С. 186–201.
24. Шашков, С. С. Собрание сочинений: [В 2 т.]. Т. 2. Исторические очерки; Исторические этюды. – Санкт-Петербург, 1898. 668 с.
25. Шахеров, В. П. Судьба иркутского купца Ивана Бечевина в контексте взаимоотношения власти и сибирского предпринимательства середины XVIII века // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 251-259.
26. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах): Сибирь в составе феодальной России. Т. 2 / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. Л., 1968. 538 с.
27. Хомук, Н. В. Роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 35–41.
28. Шашков, С. С. Исторические этюды. Санкт-Петербург: Типография А. Моригеровского, 1872. 332 с.
29. Ядринцев, Н. М. Сибирь, как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / [Соч.] Н. М. Ядринцева. С.-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

REFERENCES

1. Shiryaev V.N. Vzyatochnichestvo i lihodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnyh prestupleniyah (ugolovno-yuridicheskoe issledovanie) [Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes (criminal law research)]. Yaroslavl, 1916, 570 p.
2. Chekurda A.E. Predposylki stanovleniya organov nadzora v Rossii na rubezhe XVII–XVIII vv. [Prerequisites for the formation of supervisory authorities in Russia at the turn of the XVII–XVIII centuries]. Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta – Vestnik of the Omsk Law Institute. 2011, no. 3 (16), pp. 8-11.
3. Ogloblin N.N. Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.) v 4 chastyah [Review of columns and books of the Siberian Order (1592-1768) in 4 parts]. Moscow, 1895, Part 1. 430 p.
4. Sysoev A.A. Lihomstvo kak proyavlenie dolzhnostnoj prestupnosti na territorii Vostochnoj Sibiri v konce XVII-nachale XVIII stoletij [Extortion as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia at the end of the XVII-beginning of the XVIII centuries]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 46.

5. Zolnikova N.D. Detective D.L. Polyanskogo i pis'ma i "pis'ma" Izbranta Idesa [Polyansky and letters and "letters" of Robert Ides]. Publicistika i istoricheskie sochineniya perioda feodalizma – Journalism and historical writings of the period of feudalism. Novosibirsk, 1989, pp. 180-220.
6. Ogloblin N.N. Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.) v 4 chastyah [Review of columns and books of the Siberian Order (1592-1768) in 4 parts]. Moscow, 1895, Part 3, 394 p.
7. Okladnikov A.P. Ocherki iz istorii zapadnyh buryat-mongolov [Essays from the history of the Western Buryat Mongols]. Leningrad, 1937, 428 p.
8. Vershinin E.V. Detective D.L. Polyanskogo: delo mangazejskogo voevody M.S. Volchkova [Polyansky: the case of the Mangazey voivode M.S. Volchkov]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Ural State University. 2005, no. 39, pp. 27-35.
9. Akishin M. O. Policejskoe gosudarstvo i sibirskoe obshchestvo. Epoha Petra Velikogo [The police state and Siberian society. The era of Peter the Great]. Novosibirsk, 1996, 226 p.
10. Baranov P.P., Shaposhnikov A.A. Delo knyazya M. P. Gagarina: nachalo rossiskogo audita [The case of Prince M. P. Gagarin: the beginning of the Russian audit]. Ekonomicheskaya istoriya Rossii – The economic history of Russia. 2016, no. 10, pp. 173-174.
11. Tolochko A.P., Konovalov I.A. Bor'by s korrupcijej v verhnih eshelonah vlasti v Sibiri v pervoj polovine XVIII v. [The fight against corruption in the upper echelons of power in Siberia in the first half of the XVIII century]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» – Vestnik of Omsk University. The series "Historical Sciences". 2022. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 27-30.
12. Gergilev D.N. Sibir' v sisteme upravleniya administrativnyh preobrazovanij Petra I [Siberia in the management system of administrative transformations of Peter the Great]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010, pp. 118-123.
13. Korsakov V. Gagarin knyaz' Matvej Petrovich [Gagarin Prince Matvey Petrovich] Russkij biograficheskij slovar' – Russian biographical dictionary. Moscow, 1914, vol. IV. P. 80.
14. Kostetskaya E.V. Sledstvie po delu knyazya M. P. Gagarina v kontekste razvitiya sistemy gosudarstvennogo kontrolya v pervoj chetverti XVIII veka [The investigation into the case of Prince M. P. Gagarin in the context of the development of the system of state control in the first quarter of the XVIII century]. Nauchnyj dialog – Scientific dialogue. 2023, vol. 12, no. 7, pp. 346-373.
15. Serov D.O. Vysshie administratory pod sudom Petra I: Iz istorii ugolovnoj yusticij Rossii pervoj chetverti XVIII v. [Higher administrators under the court of Peter the Great: From the history of criminal justice in Russia in the first quarter of the XVIII century]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2: Humanities. 2005, no. 39, pp. 47-63.

16. Serov D.O. *Gvardejcy i fiskaly Petra I v bor'be s lihoimcami i kaznokradami: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Novacii yuridicheskoy nauki i praktiki kak faktor garmonizacii vzaimootnoshenij lichnosti, obshchestva i gosudarstva»* [Guards and fiscal officers of Peter the Great in the fight against extortionists and embezzlers: materials of the international scientific and practical conference "Innovations in legal science and practice as a factor in harmonizing the relationship of personality, society and the state"]. Novosibirsk, 2017, pp. 99–101.
17. Golovachev P. *Sibir' v Ekaterininskoj komissii. Etyud po istorii Sibiri XVIII veka* [Siberia in the Catherine Commission. A study on the history of Siberia of the XVIII century]. Moscow, 1889, 127 p.
18. Berkh V. N. *ZHizneopisanie General-Lejtenanta V.I. Gennina, osnovatelya Rossijskih gornyh zavodov* [The biography of Lieutenant General V.I. Gennin, the founder of Russian mining plants]. *Gornyy zhurnal – Mining Journal*. 1826, no 4, pp. 128-135.
19. Yadrincev N.M. *Sibir', kak koloniya: K yubileyu trehsotletiya: Sovrem. polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i buduschee* [Siberia as a colony: On the occasion of the tercentenary: We will tell the truth. the position of Siberia. Her needs and wants. Her past and future]. St. Petersburg, 1882, 471 p.
20. Gauthier Yu.V. *Sledstvennye komissii po zloupotrebleniyam oblastnyh vlastej v XVIII veke. Sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskому ego uchenikami, druz'yami i pochitatelyami ko dnyu tridcatiletiya ego professorskoy deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 - 5 dekabrya 1909 goda). CH. 1.* [Investigative commissions on abuses of regional authorities in the XVIII century. Collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the thirtieth anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 - December 5, 1909). Part 1]. Moscow, 1909. 416 p.
21. Irkutskaya letopis' (letopisi P.I. Pezhemskogo i V.A. Krotova) [The Irkutsk Chronicle (the chronicles of P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov)]. Irkutsk, 1911. 418 p.
22. Bumagi IZ Dela o general-prokurore A.I. Glebove i sibirskom sledovatele Krylove [Papers from the Case of Prosecutor General A.I. Glebov and Siberian investigator Krylov]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva – Collection of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 1. St. Petersburg: 1867, 558 p.
23. Schukin N.S. *Krylov sledovatel' v Sibiri (Iz irkutskoj hroniki 1758-1761 goda)* [Krylov sledovatel' v Sibiri (Iz irkutskoy hroniki 1758-1761 goda)]. Luch – Luch. 1866, pp. 186–201.
24. Shashkov S. S. *Sobranie sochinenij: [V 2 t.]. Istoricheskie ocherki* [Collected works: [In 2 vols.]. Historical essays]. St. Petersburg, 1898, 668 p.
25. Shakherov V.P. *Sud'ba irkutskogsho kupca Ivana Bechevina v kontekste vzaimorotnosheniya vlasti i sibirskogo predprinimatel'stva serediny XVIII veka* [The fate of the Irkutsk merchant Ivan Bechevin in the context of the relationship between power and Siberian entrepreneurship in the middle of the XVIII century]. *Istoricheskij kur'er – Historical Courier*. 2023, no. 5 (31), pp. 251-259.

26. Istorya Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnej (v 5 tomah): Sibir' v sostave feodal'noj Rossii [The history of Siberia from ancient times to the present day (in 5 volumes): Siberia as part of feudal Russia]. Leningrad, 1968, 538 p.
27. Khomuk N.V. Kalashnikova «Doch' kupca ZHolobova» i sibirskoe barokko [Kalashnikov's novel "Merchant Zholobov's Daughter" and the Siberian Baroque]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University. 2014. No. 388, pp. 35-41.
28. Shashkov S.S. Istoricheskie etyudy [Historical sketches]. St. Petersburg, 1872, 332 p.
29. Yadrintsev N.M. Siberia as a colony: To the anniversary of the tercentenary: Modern. the situation of Siberia. Her needs and requirements. Her past and future / [Op.] N.M. Yadrintseva. St. Petersburg: type by M.M. Stasyulevich, 1882, 471 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sysoev Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Russian Federation, Irkutsk, 110 Lermontov St.

Статья поступила в редакцию 19.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 19.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 20.03.2025.